

Лян Каншэн кивнул и громко зачитал список подарков, подготовленных для свадьбы. Каждый раз, когда он произносил название очередного предмета, из толпы раздавался вздох изумления — действительно, семья Лян не поскупилась.

Поскольку свадьба с Цюй И была организована в спешке с целью исцеляющей свадьбы, госпожа Чжуан постаралась сделать подарки как можно более ценными, надеясь, что это хоть немного утешит семью Цюй.

Лицо старухи Цюй становилось всё мрачнее. Не дожидаясь, пока Лян Каншэн закончит, она громче него крикнула:

— Всё это — подарки, которые ваша семья Лян преподнесла нашей семье Цюй. Раз уж подарки доставлены, они теперь наши! Вы что, хотите забрать их обратно? Бесстыдники! И ещё называете себя знатной семьёй, тьфу!

В этот момент дверь дома Цюй распахнулась, и вышел Цюй Чжицай. Он мрачно взглянул на Цюй И и Лян Каншэна, затем обернулся к старухе Цюй:

— Мама, хватит!

Слова Цюй Чжицай заставили старуху Цюй покраснеть от злости. Она плотно сжала губы, но, сделав глубокий вдох, её ноздри раздулись, придавая её лицу одновременно грозный и комичный вид.

С трудом выдавив улыбку, Цюй Чжицай обратился к Цюй И и Лян Каншэну:

— Раз уж И и муж вернулись, давайте зайдём в дом и обсудим всё внутри. Зачем стоять у ворот?

Глядя на любезное лицо Цюй Чжицай, Цюй И почувствовал холод в душе. Если старуха Цюй была откровенно грубой, то его дядя, скрывающий кинжал за улыбкой, был куда страшнее. Цюй И знал, что всё, что делала старуха Цюй, было по указанию дяди.

Хотя в семье Цюй слова Цюй Чжицай значили больше, чем слова старухи, Цюй И не спешил заходить в дом. Он лишь усмехнулся, глядя на дядю.

Цюй Чжицай прекрасно понял значение этого взгляда. Он нахмурился, осознав, что недооценил племянника. Раньше он считал его послушной овцой, но теперь перед ним стоял волк, обнаживший клыки.

Взвесив все обстоятельства, Цюй Чжицай снова заговорил, на этот раз более спокойно:

— Мама, как думаешь?

Старуха Цюй была вне себя от злости. Она только что на глазах у всех пыталась не пустить Цюй И в дом, а теперь её сын подрывал её авторитет.

Ведь этот мерзкий Цюй И вернулся за приданым! Как он смеет, уже будучи женатым, требовать приданое? И семья Лян позволяет ему это делать! Просто парочка недостойных!

Жители деревни Цюйцзя знали, насколько Цюй Чжицай был любимцем семьи. Все взгляды устремились на старуху Цюй. Она только что громко ругалась, и все гадали, будет ли она настаивать на своём или послушает сына.

В конце концов старуха Цюй сдалась. Сжав зубы и с трудом сдерживая гнев, она быстро проговорила:

— Ладно, зайдём в дом.

Затем она быстро зашла в дом, громко крича:

— Старик, ты где? Выходи скорее, а то твоя старуха умрёт от злости на этих неблагодарных детей!

После того как старуха Цюй зашла в дом, изнутри не доносилось никаких звуков, кроме её криков. Люди снаружи вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что происходит внутри.

Но Цюй Чжицай не хотел, чтобы кто-то видел, что происходит в доме. Он встал у входа, закрывая обзор.

Цюй И с лёгкой улыбкой первым вошёл в дом, взяв за руку Лян Каншэна. Цюй Даню и госпожа Мэн последовали за ними.

Люди из большого дома семьи Мэн, конечно, не вошли внутрь. Лян Додао остался сторожить повозку семьи Лян, присоединившись к тем, кто ждал снаружи.

Жители деревни Цюйцзя тоже не хотели уходить. Они остались рядом, надеясь услышать, что будет дальше.

Цюй Сыню, наблюдая, как его младший брат закрывает ворота, с тяжёлым сердцем размышлял о том, как разрешить эту ситуацию. Изначально он планировал привлечь родственников жены, чтобы потребовать объяснений, но его сын действовал быстрее, что поставило его в неловкое положение.

Цюй И не знал о тревогах своих родителей. Он уже принял решение. Перед их отъездом Лян Каншэн сказал, что поддержит его в любом случае, поэтому он действовал без колебаний.

Когда все зашли в дом, Цюй И спросил:

— Бабушка, где подарки? Я хочу посмотреть.

— Зачем тебе это? — лицо старухи Цюй вытянулось. — Если бы она не боялась, что её любимого сына Цюй Чжицай «обидят», она бы никогда не пустила этих ненавистных людей в дом.

Цюй И не ответил старухе. Он повернулся к матери:

— Мама, как поживает старшая невестка?

Госпожа Мэн растерялась, не понимая, к чему этот вопрос. Разве они не обсуждали подарки и приданое? Почему Цюй И спрашивает о семье Мэн?

Подумав, госпожа Мэн отвела Цюй И в сторону и тихо сказала:

— Твоя старшая невестка вчера днём родила. Это заняло несколько часов, но она подарила твоему старшему двоюродному брату здорового мальчика. Мэн Кэ был вне себя от радости.

— Это замечательно, поздравляю их. — Цюй И продолжил:

— А как Цюй Цзян, с ним всё в порядке?

Госпожа Мэн нахмурилась:

— Мы с твоим отцом ещё не рассказали твоему брату о твоих делах. Ты хочешь, чтобы он тоже пришёл?

Цюй И покачал головой:

— Не нужно ему знать. Пусть остаётся у дедушки и присматривает за племянником.

Конечно, это было не его истинное намерение. Он говорил с матерью, чтобы старуха Цюй и другие поняли, что он не торопится. Как решить вопрос с подарками, зависело от них.

Старуха Цюй не совсем поняла намерения Цюй И, но Цюй Чжицай уловил суть. Он стиснул зубы, глядя на Цюй И с яростью.

Лян Каншэн нахмурился и сделал шаг вперёд, заслонив Цюй И от этого злобного взгляда. Он знал, что Цюй И не боится, но хотел защитить его.

Цюй Сыню, наблюдая за этим, почувствовал, что не может понять намерений Лян Каншэна. Подавив свои сомнения, он поддержал сына:

— Мама, если мы не можем повлиять на свадьбу И, то хотя бы позвольте нам взглянуть на подарки и приданое. Иначе мне придётся обратиться к главе рода.

Цюй Сыню, выросший не в деревне Цюйцзя, не был близок с местными родственниками, но, прожив здесь с женой и детьми почти восемнадцать лет, он мог обратиться к главе рода без проблем.

Старуха Цюй, глядя на Цюй Чжицай, поняла, что ей придётся уступить. Она громко закричала:

— Вы что, хотите устроить переворот?!

Несмотря на своё нежелание, под давлением Цюй Чжицай старуха Цюй в конце концов позволила Цюй Сыню вынести подарки и выставить их во дворе.

Подарки от семьи Лян состояли из двух средних размеров ящиков, сделанных из красного дерева. В одном ящике лежали различные ткани, а в другом — принадлежности для каллиграфии.

Также был небольшой ящик, содержащий девять серебряных слитков по два лян, девять серебряных бобов по одному ляну и девяносто девять медных монет, символизирующих долголетие.

Цюй И знал, что ещё два обычных ящика с зерном были спрятаны старухой Цюй в глубине амбара. Всё это символизировало намерения семьи Лян взять Цюй И в жёны.

Со своей стороны, семья Цюй должна была подготовить соответствующее приданое для Цюй И: одежду, зерно и другие вещи, чтобы показать, что он будет обеспечен в семье Лян.

Не обязательно, чтобы подарки семьи Цюй были такими же богатыми, как у семьи Лян, главное — это намерение. Даже в спешке нельзя было ограничиться двумя одеялами, это было бы обманом.

Старуха Цюй и Цюй Чжицай пристально следили за Цюй И, когда он открыл ящики, чувствуя раздражение, что их вещи теперь на виду.

Открыв ящики, Цюй И с удовлетворением обнаружил, что всё аккуратно уложено с помощью лент или корзин. Он тут же открыл ворота дома и позвал Лян Додао.

Как только ворота открылись, все, кто оставался снаружи, вытянули шеи, чтобы заглянуть внутрь. Цюй И сказал:

— Перенеси содержимое этого ящика в повозку.

Лян Додао действовал быстро. Едва Цюй И закончил говорить, он взял два короба, наполненные принадлежностями для каллиграфии.

После того как Лян Додао вышел, Цюй И сам взял ткани из другого ящика и направился к воротам.

В этот момент выражения лиц старухи Цюй и Цюй Чжицай были удивительно похожи: удивление, смешанное с гневом и лёгким замешательством.

<http://bllate.org/book/16698/1533371>